

Научная жизнь, обзоры, рецензии

УДК 167+168

DOI: 10.15372/PS20210209

О.И. Целищева

КРИТИКА РИЧАРДОМ РОРТИ КОНЦЕПЦИИ АНАЛИЗА

В статье утверждается, что согласно Р. Рорти, главный недостаток центральной концепции аналитической философии – анализа значения состоит в отсутствии преемственности школ и поколений. Рорти прослеживает прерывистое развитие аналитического движения от Г. Фреге и Б. Рассела к оксфордской школе обыденного языка и далее к У. Куайну и С. Крипке. Синописис смены концепций анализа представлен для Рорти итоговым описанием С. Сомсом истории аналитической философии как смены технических, в высшей степени специализированных направлений, связанных с логикой и логической семантикой. Рорти считает, что при этом утрачивается базисная ценность философии – попытка описания соотношения теории и реальности.

Ключевые слова: концепция анализа; Рорти; аналитическая философия; лингвистическая философия; Крипке; эссенциализм

O.I. Tselishcheva

RICHARD RORTY'S CRITIQUE OF THE CONCEPT OF ANALYSIS

The article argues that according to R. Rorty, the main drawback of the central concept of analytical philosophy – the analysis of meaning-is the lack of continuity of schools and generations. Rorty traces the intermittent development of the analytical movement from G. Frege and B. Russell to the Oxford School of Ordinary language, and then to W. Quine and S. Kripke. The synopsis of the change in the concepts of analysis is presented for Rorty by S. Soames' final description of the history of analytical philosophy as a change in technical, highly specialized areas related to logic and logical semantics. Rorty believes that this loses the basic value of philosophy-an attempt to describe the relationship between theory and reality.

Keywords: concept of analysis; Rorty; analytical philosophy; linguistic philosophy; Kripke; essentialism

Двухтомное сочинение С. Сомса [11; 12], посвященное аналитической философии, считается значительным событием в историографии дисциплины. Как и в других случаях, возникает вопрос, для какого круга читателей этот труд предназначен, поскольку превалирующие в таких книгах технические детали трудны для понимания «среднему» читателю. Тем не менее такого рода работы являются подведением итогов, и их оценка представляется важной при оценке перспектив соответствующей области. Р. Рорти посчитал, что сама концепция анализа значения как главный атрибут аналитической философии говорит о несостоятельности последней.

Существенным недостатком двухтомника Рорти считает то, что эти книги – для инсайдеров, т.е. для тех людей, которые давно в курсе всех событий и имен этого направления. Собственно технический характер подобного рода сочинений является следствием узкой профессионализации внутри философии, скорее даже гиперпрофессионализации, поскольку нынешняя философия, будь то аналитическая или континентальная, является конгломератом взаимосвязанных, но все-таки в значительной степени независимых исследований. Впрочем, это же можно сказать ныне о любой отрасли науки. Но при таком положении дел искажается изначальная цель философии, а именно единое видение порядка во вселенной за занавесом феноменов: старая проблема соотношения теории и реальности все еще стоит на повестке дня, и именно это обстоятельство Рорти считает важным в своей рецензии на книги Сомса [8].

В центре критики находится концепция анализа как она понимается в аналитической философии. У самого Рорти довольно сложные отношения именно с этой концепцией анализа. В свое время, в начале своей карьеры он выпустил известную антологию «Лингвистический поворот» [13], где приветствовал лингвистический анализ в качестве успешного философского метода.

Сам термин «лингвистический поворот» понимается в узком и широком смыслах. В широком смысле это глобальное явление в философии XX в., а в узком – это деятельность оксфордской школы анализа обыденного языка. Наиболее известным из оксфордских философов обыденного языка был Г. Райл, приложивший руку к уничтожению картезианского мифа. Как показала последующая деятельность Рорти, ему, очевидно, импонировала эта сторона философии Г. Райла. Что касается Дж. Остина, который «...был настоящим интеллектуальным властителем послевоенного Оксфорда [2, с. 349], «даже среди ближайших соратников Остина идет серьезный спор о том, на что были

направлены его усилия и имеют ли они отношение к традиционным философским поискам».

Довольно скоро обнаружилось, что действительно концепция языка Остина была настолько своеобразна, что в руках его ученика Дж. Серла превратилась в отдельную дисциплину, в рамках которой возникли такие экзотические вещи, как иллюкутивная логика, которая была совсем не похожа на обычную логику [10].

Как бы то ни было, во время подготовки антологии «Лингвистический поворот» оксфордская школа обыденного языка олицетворяла для Рорти лучшую часть аналитической философии. Пристальное внимание к принципам функционирования естественного языка в применении к анализу философских проблем на определенное время, с точки зрения Рорти, сформулировало «повестку дня» в аналитической философии, хотя и не во всех ее направлениях. Помимо указанных выше имен доктрины лингвистической философии представлены в антологии Рорти именами Н. Малькольма, А. Эмброуз, Р. Хейра, П. Гича, С. Хэмпшайра, Дж. Урмсона. В значительной степени Рорти был под впечатлением поздней философии Витгенштейна, согласно которому «с обыденным языком все в порядке» [14, p. 28].

В духе витгенштейновской методологии рассасывания философских проблем с помощью анализа употребления обыденного языка попытки Рорти разрешать проблемы с помощью различения смыслов специфических философских терминов и слов обыденного языка, имеющих одну и ту же форму, наталкиваются на трудности, потому что трудно понять, как можно сформулировать настоящую философскую проблему, не используя специальной терминологии. Интересно отметить, что даже на этом этапе своей критики концепции анализа в аналитической философии Рорти допускает необходимость специального концептуального аппарата. Но он не допускает, что использование идеальных, или формализованных, языков, или строгой семантики, поможет делу, т.е. «разрешению» или «рассасыванию» философских проблем. Дело в том, говорит Рорти, что такое разрешение требует создания своей «языковой» игры в смысле Витгенштейна. Если таковая игра изобретена, следует еще объяснить, почему в ней слова обыденного языка используются незнакомым образом. Но для успеха предприятия требуется еще и то, чтобы остальные признали эту языковую игру, что требует, в свою очередь, понимания целей ее создателя. Именно это, по Рорти, является слабым местом аналитических философов, потому что попытки такого понимания порождают больше про-

блем, чем они были призваны разрешить. Впрочем, Рорти понимает, что проблема носит общий характер: «Вопреки своим неопределенным метафилософским программам, писатели типа Рассела, Карнапа, Витгенштейна, Райла, Остина и многих других... не сделали того, на что надеялись. Они не сумели показать сногшибательных аргументов бессмысленность, концептуальную путаницу или злоупотребление языком у тех представителей философии, которых они критиковали» [12, р. 33].

В дальнейших работах Рорти довольно часто говорится о том, что недостатком некоторых философских программ является слишком быстрая сменяемость тем или проблематики. Это обстоятельство является главным препятствием для аналитической философии на пути к тому, чтобы претендовать на обладание удовлетворительной концепцией анализа значения. Уже на обсуждаемом раннем этапе Рорти является свидетелем такой смены. Действительно, вскоре после выхода в свет «Лингвистического поворота» оксфордская школа обыденного языка стала быстро приходить в упадок, и уже в работах таких значимых для аналитической философии мыслителей, как Д. Дэвидсон, С. Крипке, Х. Патнэм и М. Даммит, проблемы, напрямую связанные с тонкостями лингвистического анализа, встречаются уже редко. Зато контуры метафизики становятся все более отчетливыми, например в работах Крипке. Школа лингвистического анализа потеряла свое влияние, а ее тезисы были отвергнуты.

Следует отметить, что для Рорти эта школа претендовала на смену более почтенной традиции анализа, идущей от Г. Фреге, Б. Рассела, Дж. Мура и раннего Л. Витгенштейна. Уже на этом этапе смены Рорти отмечает радикальный отход от прежних канонов. Правда, сам Рорти через некоторое время осознал, что аналитическая философия не должна отождествляться с оксфордской школой обыденного языка. Буквально через десяток лет (после выхода сборника) мало кто говорил о конкретном философском методе, называемом «лингвистическим».

Свои прежние восторги по поводу школы обыденного языка Рорти объясняет, довольно иронически, тем, что это была «попытка тридцатитрехлетнего профессора убедить себя в том, что ему повезло родиться в правильное время, – убедить себя в том, что эта дисциплинарная матрица, в которую ему удалось попасть, была большей, чем просто одной из многих философских школ, одной из бурь в академическом стакане чая» [9, р. 371].

Этот отказ от важнейшей роли поисков значения языковых структур как средства переформулировки философских доктрин знаменует ранний этап отхода Рорти от аналитической философии, которая при определенном ракурсе и смотрится как философия языка. Но уже на этом этапе Рорти делает более радикальное заключение – от кончины концепции значения до кончины самой философии. Рорти говорит следующее: «Вполне может быть, что называемое Хакингом смертью значения от рук Куайна, Витгенштейна, Дэвидсона и Фейерабенда влечет за собой смерть философии как дисциплины со своим собственным методом... Остается только философия кибицирования – философия в стиле Аристотеля, Дьюи и позднего Витгенштейна» [9, p. 364].

Но если не принимать столь радикального вывода, то следует согласиться, что философия на нынешнем этапе вполне обоснованно разделена на аналитическую и континентальную ветви. Различие их в самом общем виде заключается, по выражению автора двухтомника Сомса, в том, что философия, практикуемая в аналитической традиции, направлена на истину и знание, в противоположность моральному или духовному совершенствованию. Можно сказать, что цель философии – найти истину, а не дать полезный рецепт, как прожить свою жизнь. При этом центральным понятием аналитической философии является философский анализ.

Но именно это понятие не получает, с точки зрения Рорти, должного объяснения в претендующих на исчерпывающее изложение работах Сомса. «Сомс мало что говорит нам о том, что считается “философским анализом” – что делает “аналитическим” подходящее слово для описания движения, ход которого он прослеживает. Он довольствуется определением этого движения как “определенной исторической традиции, в которой ранние работы Г.Э. Мура, Бертра на Рассела и Людвиг Витгенштейна определили повестку дня для более поздних философов”. Но “попытка обнаружить то, что истинно”, не является полезным способом указать, что делают аналитические философы; даже хайдеггерианцы сказали бы то же самое» [8, p. 371].

Это обстоятельство Рорти использует для весьма тонкой дискредитации трактовки аналитическими философами понятия анализа. Оксфордская школа лингвистического анализа должна была дезавуировать усилия отцов-основателей аналитической традиции, настаивая на центральной роли лингвистического, а не философского анализа. Ей

это на некоторое, и только на некоторое, время удалось, но затем она впала в безвестность. Это означало в определенной степени возвращение прежних ценностей, например в виде различения необходимых и контингентных истин, но уже в модифицированном виде, когда необходимость оказывалась просто конвенцией об употреблении языка. Но и эти усилия не оказались долгоживущими, поскольку были подвергнуты обоснованной критике со стороны У. Куайна. Такая быстрая смена позиций вряд ли может считаться добродетелью для философии, от которой ожидают солидности и долговлетия.

Критика У. Куайном наследия ранней аналитической философии была сосредоточена на самом понятии значения, которое было предметом собственно философского анализа. Фундаментальное для аналитической философии различение необходимого и контингентного, аналитических и синтетических истин было с огромным успехом разгромлено в ставшей знаменитой статье «Две догмы эмпиризма» [1]. Мы подчеркиваем здесь «огромный успех», потому что для Рорти это еще одно свидетельство неустойчивости аналитической философии, которая слишком быстро переходит от одной доктрины к другой. Куайн действительно делает радикальный шаг, заменяя фундаментальное различие степенью различий между относительно бесспорными утверждениями и относительно спорными утверждениями. На взгляд изнутри аналитической философии такой сдвиг в понимании роли анализа значения кажется вполне естественным, но со стороны это кажется изменой значительной части программ аналитической философии. Кстати, в этой связи некоторые историки аналитической философии вообще отказывают Куайну в принадлежности к этой традиции.

Отказ Куайна от понятия значения Рорти увязывает с трактовкой этого понятия Л. Витгенштейном согласно знаменитой максиме последнего «не ищи значения, ищи употребление». Рорти даже считает, что слияние куайновского и витгенштейновского направлений мысли обнаруживается в работах Дональда Дэвидсона и что это слияние создало философский климат, в котором сама идея «необходимой истины» рассматривалась со скептицизмом. С нашей точки зрения, это определенная натяжка, поскольку методологии Куайна и Витгенштейна совершенно различны, как и их цели. Рорти слишком торопится объявить о внутренних противоречиях аналитической философии, приглашая для этого в свидетели Витгенштейна. Эта фигура действительно

будет полезна при дальнейшем развитии аналитической философии, но не в паре с Куайном.

Но, продолжает иронизировать Рорти, в аналитической философии наступает очередной резкий поворот, поскольку С. Крипке со своей работой «Именованное и необходимость» [5], с точки зрения С. Сомса, стал новым кумиром философской публики. Крипке приписывают два важных достижения в русле аналитической традиции. Во-первых, это признание того, что философская спекуляция должна быть основана на дофилософской мысли, и, во-вторых, успех, достигнутый в понимании и отделении друг от друга фундаментальных методологических понятий логического следствия. Что касается первого достижения, суть его состоит в том, что в формулировке доктрин аналитической философии мы должны опираться не столько на формальные результаты, сколько на нашу дофилософскую интуицию. После того как прошли первые восторги, в отношении такой методологии возникли серьезные сомнения. Так, виднейший логик и философ Я. Хинтикка в очерке, характерно названном «Кто там готов убить аналитическую философию?», резко протестует против того, чтобы чья-либо интуиция просто ложилась в основу тонких философских тезисов. «Если я наугад открою статью... то с большой вероятностью найду в ней апелляцию к интуиции в поддержку взглядов автора. Иногда вся задача философской статьи или книги заключается в том, чтобы систематизировать наши интуиции относительно исследуемого предмета. Я нахожу такую практику скандальной. В прошлом каждый видный философ, который взывал к интуиции, имел теорию или по крайней мере объяснение того, почему мы можем получить новое знание или понимание, размышляя над нашими собственными интуициями. ...Но современное использование интуиции в философии редко подкрепляется таким обоснованием. Уже этого вполне достаточно, чтобы такого рода апелляции выглядели в высшей степени подозрительными» [4, с. 175].

Смена философии Куайна философией Крипке касается интуиции относительно приемлемости различения необходимого и случайного. Куайн полагал такое различие наследием того, что он назвал аристотелевским эссенциализмом – метафизической доктрины, не имеющей права существовать в век аналитической философии. Эссенциалисты полагают, что некоторые свойства вещей им присущи и что они не были бы теми же самыми вещами, если бы у них не было этих свойств. Аналитические философы, в том числе Рассел, с которым согласился Куайн, – что понятие внутренне присущих свойств вещи является пе-

режитком донаучной, и можно добавить дофилософской мысли. При всем при этом Крипке реабилитирует метафизику эссенциализма.

К этой самой донаучной и дофилософской интуиции апеллирует Крипке, полагая, что человек является эссенциалистом при обыденном словоупотреблении. В техническом аспекте Крипке шокировал публику открытием «необходимых апостериори» истин исходя из интуиции. Хорошо известным примером такой истины является «вода есть H_2O ». Она необходима, поскольку если бы химический состав данной жидкости не был H_2O , то она не была бы водой. С другой стороны, утверждение такого рода является результатом научного открытия и, стало быть, эмпирической процедуры. Этот анализ Крипке нарушает старую традицию, согласно которой мы имеем обоснованную дихотомию – «необходимое априорное» / «случайное апостериорное».

Теория Крипке явилась результатом его теории собственных имен, а именно теории прямого указания, которую он перенес на термины естественного рода. То же сделал, исходя из сходных соображений, Х. Патнэм [6]. Важно подчеркнуть, что при этом получают подтверждение «огромная масса обычных, дофилософских убеждений, вытекающих из здравого смысла, науки и других областей исследования», которые философия обязана принять. Здесь возможны два вида комментариев, один из которых является просто опровержением интуиции Крипке, а второй – отказом признать в ней какого-либо рода важность для философии, в том числе аналитической. Рорти принадлежат комментарии второго вида. Но перед тем как оценить их значимость, остановимся на комментариях первого вида.

Как уже отмечал Я. Хинтикка, некоторые интуиции являются просто необоснованными. А. Стролл убедительно показал, что интуиции Крипке можно противопоставить другие интуиции: «Если Патнэм и Крипке были правы, то ни один носитель обыденного языка до 1800 г. [открытие химического состава воды] не мог знать, что такое “вода”. Это следует из их тезиса, что “вода” означает то же самое, что и “ H_2O ” до 1800 г. Но если это так, то они не могли бы общаться друг с другом... Соответственно, теория, выдвинутая Патнэмом и Крипке, ошибочна. Патнэм и Крипке изменили порядок вещей в природе. Вместо того, чтобы начать с того, что ранние носители обыденного языка общались друг с другом, и спросить, как это возможно, они разработали априорную теорию, которая делает факт такого общения необъяснимым. Здесь мы имеем философский парадокс в его сильнейшей форме» [3, с. 312].

Другим словами, Стролл предоставляет нам возможность другой интуиции, основанной на факте общения людей. Рорти же ставит более общий вопрос: как открытие необходимого *a posteriori* изменило ситуацию, или какие изменения философ был бы вынужден сделать, если бы он писал после открытия необходимого *a posteriori*. На этот вопрос весьма трудно ответить. «Мое собственное понимание этого вопроса состоит в том, что открытие необходимого *a posteriori* не имеет большого значения, которое приписывает ему Сомс, и что это вряд ли произойдет. Я не вижу особых доказательств того, что аналитические философы используют “фундаментальные методологические понятия”, отличные от тех, которые они использовали до 1970 г. У меня сложилось впечатление, что сейчас, через 35 лет после крипкеанской революции, многие философы сказали бы Крипке: мы понимаем вашу точку зрения об аристотелевских интуициях простого человека, и поэтому мы готовы согласиться с вами в том, что “вода – это H₂O” – необходимая истина. Таким образом, мы отказываемся от утверждения, что “необходимость” – это во всяком случае аналитичность. Но что с того? Что же из этого следует? Что вы сделали, кроме того, что изменили наше использование термина “необходимость”, чтобы теперь мы звучали немного менее парадоксально?» [8].

Конечно же, просто скепсис в отношении теории, которая имела восторженный прием у значительной части философов, требует объяснения. Рорти полагает, что все дело в размывании философским анализом наивной концепции соответствия мира и теории о нем. Это размывание является результатом довольно долгого процесса, и такие концепции, как «внутренний реализм» Патнэма с его «сколемизацией всего» [7], придают скептическим аргументам строгий вид. Диагноз успеха Крипке резюмируется Рорти в следующем виде: «Однако многие философы опасаются, что если мы не сможем определить какой-то смысл, в котором наши научные теории соотносятся с реальностью, так же, как это делают перцептивные сообщения (“кошка на коврике”), мы рискуем потерять связь с миром. У нас может возникнуть искушение стать инструменталистами, людьми, которые считают, что мы должны принимать научные теории просто потому, что они дают нам то, что мы хотим (грубо говоря, предсказание и контроль окружающей среды), а не потому, что мы думаем, что они точно отражают реальность. Для тех, кто испытывал подобные страхи, неаристотелевское мировоззрение Крипке было очень привлекательным. Холистическое утверждение Куайна о том, что “единицей эмпирического значения является вся

наука” (а не отдельные слова или предложения), нанесло большой ущерб понятию “соответствия”. Как и отрицание Куном того, что научный прогресс – это вопрос приближения к истинной природе вещей. Готовность Крипке решительно противостоять дрейфу к прагматизму, характерному для аналитической философии 1960-х годов, завоевала ему восторженную аудиторию» [8].

Неявная ирония Рорти по поводу конфликта наших интуиций и взглядов на природу соотношения теории и реальности заключается вовсе не в том, что философский анализ раз за разом терпит неудачу, и одна философская теория сменяется другой. На самом деле Рорти испытывает большие сомнения в том, что само понятие философского анализа имеет большую ценность, подтверждением чего является частая смена представлений, каким именно должен быть этот самый анализ. В своей рецензии на Сомса он подчеркивает частую смену взглядов в рамках довольно четко определенного философского направления, называемого аналитической философией, которое предьявляет свои исключительные права на понятие «философский анализ». «Остается только гадать, выйдет ли аналитическая философия за пределы англоязычного мира и станет доминирующей в университетах по всему миру или же работа какого-нибудь синоптического провидца убедит молодых философов в Британии и США отвернуться от движения, инициированного Расселом. Когда-нибудь – но не в ближайшее время – историки-интеллектуалы будут в состоянии вынести суждение по вопросу о том, удалось ли этому движению привнести в философию квазинаучную строгость или же вместо этого оно исчезло в песках» [8].

Повестка дня в современной философии в значительной степени определяется тем, согласятся ли остальные философы, что их дисциплина стала высокоорганизованной дисциплиной, выполняемой специалистами в первую очередь для других специалистов. Сам Рорти никоим образом не ограничивал свое видение философии техническими проблемами.

Литература

1. *Куайн У.В.О.* Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. С точки зрения логики / Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. – М.: Канон+, 2010. – С. 45–80.
2. *Пассмор Дж.* Сто лет философии: Пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 496 с.

3. *Stroll A.* Аналитическая философия: двадцатый век / Пер. с англ. В.В. Целищевой. – М.: Канон+, 2020. – 384 с.
4. *Хинтикка Я.* Кто там готов убить аналитическую философию? // Целищев В.В. Философский раскол: логика vs метафизика. М.: Канон+, 2021. – С. 160–179.
5. *Kripke S.* Naming and Necessity. – Harvard: Cambridge University Press, 1980.
6. *Putnam H.* Meaning and reference // *The Journal of Philosophy.* – 1973. – Vol. 70. – P. 699–711.
7. *Putnam H.* Models and reality // *The Journal of Symbolic Logic.* – 1980. – Vol. 45 (3). – P. 464–482.
8. *Rorty R.* Twenty-five years after // *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method* / Ed. by R. Rorty. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – P. 371–374.
9. *Rorty R.* How many grains make a heap? // *London Review of Books.* – 2005. – Vol. 27, No. 2.
10. *Searle J., Vanderveken D.* Foundations of Illocutionary Logic. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
11. *Soames S.* Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. I: The Dawn of Analysis. – Princeton. – 2005. – 432 p.
12. *Soames S.* Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. II: The Age of Meaning. – Princeton, 2005. – 504 p.
13. *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method* / Ed. by R. Rorty. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967.
14. *Wittgenstein L.* The Blue and the Brown Books. – Oxford: Blackwell, 1958.

References

1. *Quine, W.V.O.* (2010). Dve dogmy empirizma [Two dogmas of empiricism]. In: Quine, W.V.O. S tochki zreniya logiki [From a Logical Point of View]. Transl. by V.A. Ladov & V.A. Surovtsev. Moscow, Kanon+ Publ., 272. (In Russ.).
2. *Passmore, J.* (1998). Sto let filosofii [A Hundred Years of Philosophy]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 496. (In Russ.).
3. *Stroll, A.* (2020). Analiticheskaya filosofija: dvadtsatyy vek [Twentieth-Century Analytic Philosophy]. Transl. by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ., 384. (In Russ.).
4. *Hintikka, J.* (2021). Kto tam gotov ubut analiticheskuyu filosofiyu? [Who is about to kill analytic philosophy]. In: Tselishchev, V.V. Filosofskiy raskol: logika vs metafizika [Philosophical Split: Logic vs Metaphysics]. Moscow, Kanon+ Publ., 169–179. (In Russ.).
5. *Kripke, S.* (1980). Naming and Necessity. Harvard, Cambridge University Press.
6. *Putnam, H.* (1973). Meaning and reference. *The Journal of Philosophy*, 70, 699–711.
7. *Putnam, H.* (1980). Models and reality. *The Journal of Symbolic Logic*, 45 (3), 464–482.
8. *Rorty, R.* (1967). Twenty-five years after. In: Rorty, R. (Ed.). *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. Chicago, The University of Chicago Press, 371–374.
9. *Rorty, R.* (2005). How many grains make a heap? *London Review of Books*, Vol. 27, No. 2, 20 January.
10. *Searle, J. & D. Vanderveken.* (1985). Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge, Cambridge University Press.

11. *Soames, S.* (2005). *Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. I: The Dawn of Analysis.* Princeton, 432.
12. *Soames, S.* (2005). *Philosophical Analysis in the 20th Century. Vol. II: The Age of Meaning.* Princeton, 504.
13. *Rorty, R.* (Ed.). (1967). *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method.* Chicago, The University of Chicago Press.
14. *Wittgenstein, L.* (1958). *The Blue and the Brown Books.* Oxford, Blackwell.

Информация об авторе

Целищева Оксана Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
oxanatse@gmail.com

Information about author

Tselishcheva Oksana Ivanovna – Candidate of Sciences (Philosophy), the Scientific Worker, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia)
oxanatse@gmail.com

Дата поступления 28.03.2021